

Объемная история

Владимир Лапин

**КАВКАЗСКАЯ
ВОЙНА
XVIII-XIX
ВЕКОВ**

Издательство АСТ

Москва 2026

УДК 94(470-479)"1817/64"
ББК 63.3(2)47
Л24

Оформление ООО «Издательство АСТ», 2026
В оформлении обложки использована картина из издания «Шамиль,
Русский художественный листок, художник Тимм, Василий Федорович, 1820–1895.
Дата публикации: 1851–1862, Санкт-Петербург, типогр. Н. Греча,
The New York Public Library

Лапин, Владимир Викентьевич.
Л24 Кавказская война XVIII-XIX веков / Владимир Лапин. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 336 с. — (Объемная история).

ISBN 978-5-17-183732-7

История Кавказа в составе России драматична и сложна. Она полнится множеством стереотипов и противоречий. «Попытка дать однозначное определение Кавказской войны выглядит бесперспективной задачей», — характеризует события 1817–1864 годов историк Владимир Лапин. В своей новой книге он разрушает «ермоловский миф» и подробно описывает, как на самом деле происходило присоединение не только Чечни и Дагестана, но и других регионов, расположенных на Кавказе.

В этом издании совершенно по-новому представлены военные события того времени, в том числе и деятельность имама Шамиля. Шаблонное описание, построенное на имперском нарративе, а затем частично переключавшее в советскую историографию, имеет мало общего с реальностью — убедительно показывает Владимир Лапин на страницах книги.

Владимир Лапин — доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. Специалист в области военной истории России XVIII — начала XX, истории памяти, имперской истории.

**УДК 94(470-479)"1817/64"
ББК 63.3(2)47**

ISBN 978-5-17-183732-7

© Лапин В.В., текст, 2026
© Оформление ООО "Издательство АСТ", 2026

Какие события называют Кавказской войной?

19 (30) августа 1700 года русский царь Петр I объявил шведскому королю Карлу XII войну, которая завершилась Ништадским миром, подписанным 30 августа (10 сентября) 1721 года. За этим эпохальным военным конфликтом, изменившим карту Европы, закрепилось название «Северная война». Но это произошло уже после ее окончания (современники называли эту войну «Свейской»); ввел его в оборот российский историк В. Н. Татищев. 12 (24) июня 1812 года войска Наполеона Бонапарта перешли пограничную реку Неман. 14 (25) декабря того же года последний французский солдат покинул территорию России. События, произошедшие между этими датами, стали называть Отечественной войной 1812 года уже после празднования 25-летия со дня изгнания «двунадесяти языков». 4 (16) октября 1853 года Турция объявила России войну, которая завершилась подписанием 18 (30) марта 1856 года Парижского мирного договора. Бои с турками на Дунае и на Кавказе, с англо-французскими силами в Крыму, на Балтике и на Камчатке сначала называли Восточной войной, и только на рубеже XIX–XX веков из-за концентрации внимания на осаде Севастополя в 1854–1855 годах это противостояние России и фактически объединившейся против нее Европы получило имя «Крымская война». При этом оба названия выглядят равноправными: в 1900 году авторитетный Н. Ф. Дубровин опубликовал три тома «Истории Крымской войны и обороны Севастополя», а не менее авторитетный А. М. Зайончковский в 1908 году издал солидную монографию «Восточная война 1853–1856 годов».

Нечто подобное мы видим и при обозначении вооруженных столкновений Российской империи с другими государствами в XVIII — начале XX века. Практически всегда вначале указывался противник («шведская война», «турецкая война») или место основных боевых действий¹. Нередким было упоминание правителя, при котором она состоялась². Здесь можно усмотреть

также зарубежное влияние: отечественные авторы не оставляли без внимания то, каким лексиконом пользовались европейцы.

При всем разнообразии вариантов названий военных конфликтов достаточно четко пролеживается связь с тем, какое место они занимали в национальном историческом сознании, в истории российского государства и российского общества. Чем более интенсивной была коммеморация войны, тем большую смысловую нагрузку приобретало ее название.

Эталонным определением и точными датами событий принято считать те, что приводятся в энциклопедиях и школьных учебниках. Большая российская энциклопедия утверждает следующее: «КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА 1817–1864 — принятое в сов. историч. литературе обозначение воен. действий рос. войск на Сев. Кавказе в ходе присоединения региона к Рос. империи». Школьникам в СССР и в Российской Федерации говорили то же самое.

Полемика с авторами столь авторитетных изданий, безусловно, не имеет никаких перспектив, но целый ряд проблем при таком подходе выглядят неразрешенными. Прежде всего — название и хронологические рамки. 25 августа 1859 года русские войска взяли приступом аул Гуниб, имам Шамиль сдался в плен. Этим днем датируется «покорение Чечни и Дагестана в 1857, 1858 и 1859 годах» — именно эти слова выбиты на специальной медали, которой награждались участники кампаний на Восточном Кавказе. Здесь следует обратить внимание на то, что в прочих войнах России дата их окончания названа с точностью до одного дня, а здесь правительство не определилось даже с годом, предложив целое трехлетие!

Медаль «За покорение Чечни и Дагестана»

Смирнов В.П. — 624, Петерс Д.И. — 139, Биткин В.В. — 965.

Весной 1864 года четыре отряда Кавказской армии, не встречая особого сопротивления со стороны горцев, соединились в урочище, получившем впоследствии название Красная Поляна (ныне известный горнолыжный курорт возле Сочи). Правительство России пришло к заключению, что организованное и массовое сопротивление в Адыгее закончилось. Парад, проведенный в Красной Поляне 21 мая, признали «победной точкой» в боевых действиях против черкесов. Все участники походов получили медаль «За покорение Западного Кавказа 1859–1864». В том же 1864 году учредили наградной крест «За службу на Кавказе», который оказался на груди тех, кто воевал не только с горцами, но также с турками и персами. Как мы видим, «война без названия» закончилась.

Кроме того, создается впечатление, что за скобки выведено включение в состав Российской империи Кабарды, Балкарии, Осетии, Ингушетии, Западной Грузии и ряда районов нынешнего Азербайджана. Все перечисленные территории не относятся ни к Западному Кавказу, ни к Чечне или Дагестану, упоминаемому в наградных знаках. Их включение в состав России началось задолго до 1817 года, что является еще одним поводом для сомнения в корректности «устоявшегося» определения.

В многочисленных исторических источниках различного рода и происхождения выражение «Кавказская война» также отсутствует. Отдельные военные операции против горцев называются «экспедициями», «движениями», «делами», а более длительные периоды — «умиротворением» и (или) «покорением». Последнее слово особо часто применялось применительно как ко всему Северному Кавказу, так и к отдельным регионам. Этот исторический феномен не имеет бесспорных временных границ. Начало и конец всех войн Нового времени достаточно ясно определены: от объявления таковых до подписания мирного соглашения. В нашем случае не было ни мирного договора, ни юридического действия под лозунгом «Иду на вы!».

Особо следует обратить внимание на тот непреложный факт, что, в отличие от прочих масштабных вооруженных конфликтов, нет указания на документ, обозначающий начало и конец этой операции. Конфликтующие стороны не поставили свои подписи ни под объявлением войны, ни под согласием о ее окончании.

Термин «Кавказская война» был введен в оборот известным публицистом генералом Р. А. Фадеевым (1824–1883), издавшим в 1860 году книгу «Шестьдесят лет кавказской войны». Слово «кавказская» он пишет со строчной буквы, хотя по правилам и традициям того времени названия других войн писались с заглавной (Восточная, Турецкая, Персидская и пр.).

Ситуация с названием — вовсе не случайность. Строго говоря, Кавказской войны как таковой и не было: на протяжении полутора веков

на пространстве между Черным и Каспийским морями русские войска участвовали в веренице разномасштабных и разнохарактерных столкновений с местными ополчениями. Здесь имели место и колониальная экспансия, и защита от грабительских набегов, и реализация имперской идеи, и национально-освободительное движение, и цивилизационный конфликт, и феодально-этническая междоусобица, и религиозная война, и геополитическое соперничество России с другими державами. Поскольку все эти конфликты были тесно переплетены между собой, попытка дать однозначное определение Кавказской войны выглядит бесперспективной задачей. В разные времена и в разных регионах Кавказа преобладали те или иные из перечисленных типов конфликта, что только затрудняет поиск какого-то общего знаменателя.

Трудно объяснить, почему назначение А. П. Ермолова главнокомандующим на Кавказе и начало его активных действий на этом посту (1816–1817) принято считать началом Кавказской войны. Чем тогда занимались с 1801 по 1816 год шесть его предшественников: генералы К. Ф. Кнорринг, П. Д. Цицианов, И. В. Гудович, Н. Ф. Ртищев, А. П. Тормасов, Ф. О. Пауллуччи, а еще ранее — военачальники, воевавшие с горцами на протяжении всего XVIII столетия? Предложение связать начало Отечественной войны 1812 года с назначением главнокомандующим М. И. Кутузова выглядит абсурдно, а появление в Тифлисе генерала Ермолова практически без объяснений принимается как несомненная хронологическая грань.

Покорение Кавказа (такое выражение имело наибольшее хождение в XIX — начале XX века) в трудах дореволюционных историков отличается идейной монолитностью. Они были убеждены в том, что присоединение Кавказа отвечало государственным интересам России, было исполнением цивилизаторской миссии на Востоке. Это убеждение исключало анализ сущности конфликта и сводило все к столкновению просвещенного начала с варварством. Небывалая длительность войны (даже если под таковой подразумевалась только борьба с Шамилем в 1834–1859 годах) объяснялась природными условиями края, а главное, неразумным отступлением в 1826 году от победоносной стратегии «правильной осады», применявшейся А. П. Ермоловым. Победа связывалась с возвращением к ней при главнокомандующем А. И. Барятинском, прибывшем в Тифлис в 1856 году. Практически все работы создавались в пореформенную эпоху с характерным для нее отторжением предшествовавшего царствования, и потому поиск виновных оказался предельно простым. В черный список внесли всех главнокомандующих 1826–1856 годов (И. Ф. Паскевича, А. И. Нейдгардта, Е. А. Головина, Г. В. Розена, М. С. Воронцова, Н. Н. Муравьева), тогдашних руководителей военного ведомства (А. И. Чернышева), нескольких генералов (А. П. Пулло, П. Х. Граббе, Ф. К. Клюки-фон-Клюгенау)

и, наконец, самого Николая I. Вынужденное признание величия Шамиля как военачальника и политического деятеля, стремление подчеркнуть значимость победы над ним и характерное для историографии того времени повышенное внимание к личностям привели к появлению заметного перекоса в сторону сюжетов, связанных с событиями 1830–1850-х годов в Чечне и Дагестане.

Большое значение для установления нижней временной границы имеет «ермоловский миф» — признание этого генерала «покорителем Кавказа» несмотря на то, что для достижения этой самой «покорности» потребовалось воевать еще несколько десятилетий после его отхода от дел. Ермолов убыл с Кавказа в 1826 году, а годом окончания войны считается 1864-й (через 38 лет!). Такое вопиющее противоречие требовало объяснения. Становление А. П. Ермолова своеобразным символом Кавказской войны явилось одновременно и причиной, и следствием складывания общей событийной схемы, неотъемлемой частью которой является анализируемая хронология. В общих чертах схема эта выглядит следующим образом: популярный герой Отечественной войны 1812 года предложил план действий на Северном Кавказе, суть которого заключалась в постепенном продвижении вглубь горской территории укрепленных линий и прочного закрепления за Россией однажды занятой местности. Главными средствами достижения успеха наряду с молниеносными ударами назывались рубка леса, мешавшего регулярной армии, прокладка дорог и экономическая блокада «немирных» аулов. В 1817–1820 годах удалось покорить Чечню и Дагестан, но затем преемники Ермолова изменили этой стратегии, следствием чего стала полоса неудач, из которой удалось выйти только при А. И. Барятинском в конце 1850-х годов, когда вернулись к «ермоловским» методам ведения войны.

На самом деле никаких радикальных отличий в стратегии Ермолова и главнокомандующих 1830–1840-х годов не было. После нескольких поражений горцы восточного Кавказа объявили о своей покорности, но это была всего лишь форма заключения перемирия. Авторы, эксплуатирующие легенду о «замирении» края при Ермолове, игнорируют то обстоятельство, что уже в 1823–1825 годах Дагестан и Чечня фактически дезавуировали прежние соглашения. Черкесы в 1817–1826 годах вообще не помышляли о признании царской власти, поскольку считали своим покровителем турецкого султана.

В формировании данного мифа проявилась коллективная память Отдельного Кавказского корпуса о тех временах, когда их походы заканчивались «покорением» горцев. В эпоху Шамиля генералам пришлось решать задачи, скорее всего, непосильные и для героя, попавшего в опалу при Николае I. Характерная для дореволюционной историографии связь между

либеральными эпохами Александра I и Александра II проявилась в том, что А. И. Барятинский был представлен «наследником» Ермолова. Остальные главнокомандующие от И. Ф. Паскевича до Н. Н. Муравьева пали жертвами негативного отношения к царствованию Николая I. Сама эта схема создавалась тогда, когда в горах звучали выстрелы мюридов Шамиля. Так представлена история войны в путеводителе по Тифлисскому военно-историческому музею. Так писали (и закрепляли тем самым в коллективной памяти) авторы многочисленных полковых историй. Такова она и в «классических» трудах дореволюционных ученых, и в современных школьных учебниках. Признание этой схемы снимает все вопросы о правомерности хронологических рамок — от Ермолова до Барятинского. «В деле покорения Кавказа ермоловская система была единственной верной системой, и жестоко поплатились те начальники, которые от нее отступали. Самое покорение Восточного Кавказа совершилось только тогда, когда граф Воронцов, а за ним князь Барятинский возвратились к той же ермоловской системе»³. Эти слова путеводителя по Тифлисскому военно-историческому музею — предельно сжатая военно-историографическая схема, благополучно живущая по сей день. Но эта схема, об изъянах которой уже говорилось, не могла появиться в одночасье, тем более что сам Ермолов опыта боев в Азии к 1817 году не имел. Следовательно, уже был период накопления негативного опыта, использованного этим прославленным генералом. Подразумевается, что война шла достаточно долго, чтобы прочие стратегические установки доказали свою несостоятельность, однако вышеуказанные источники этого очевидного противоречия стараются не замечать.

В какой-то мере традиционная хронология оправдана тем, что наиболее упорное сопротивление русским войскам действительно было оказано в Чечне и Дагестане с 1830 по 1859 год. Однако и в этом случае резонным остается вопрос о правомерности отнесения начала Кавказской войны к 1817 году. Названная дата является рубежной, но только в том смысле, что в это время на практике проявилось осознание правительством масштабов горской проблемы. В Петербурге поняли, хотя и не до конца, что для завоевания края, отделявшего Закавказье от остальной страны, нужно усилить тамошнюю армейскую группировку и поставить во главе ее авторитетного военачальника. Войне, длившейся уже целое столетие, дали наконец имя, что имело важные последствия для создания ее схемы, поскольку сложное явление сразу стали укладывать в многократно тиражированный формат, использовавшийся в военной историографии. Это вело также к концентрации внимания на противостоянии двух сторон, тогда как внутренние противоречия оставались в тени в полном соответствии с пренебрежением, которое военные историки всегда питали к «тыловым» сюжетам. Включению боев на Кавказе в спи-

сок «настоящих» войн способствовало то, что в 1820-е годы там стали более щедро раздавать чины и награды, назначение туда перестало быть синонимом опалы. После эпохи наполеоновских войн (вкуче с предшествовавшими столкновениями великих держав за пределами Старого Света) действия вне Европы стали более тесно связываться с политической борьбой на континенте. Это обстоятельство внесло свою лепту в изменение отношения к войнам на азиатских окраинах, сразу повысило уровень общественного внимания к ним.

Рубеж между миром и войной в 1864 году обозначили высочайшими грамотами и рескриптами, извещавшими подданных о долгожданной победе, а также щедрыми награждениями. Ордена самых высоких степеней получили военачальники разных рангов, в том числе и брат императора — великий князь Михаил Николаевич. Он стал последним из четырех полководцев, удостоенных высшей воинской награды — ордена Св. Георгия I степени. Генерал Н. И. Евдокимов, успешно проводивший операции 1860–1864 годов в Черкесии, стал графом. На стене Спаса-на-Крови в Петербурге одна из памятных досок с указанием на деяния Александра II сообщала о том, что Кавказ был «умиротворен» именно в 1859 и 1864 годах.

Торопливость Петербурга с заявлением об умиротворении «мятежной» территории весной 1864 года во многом объясняется огромным внутри- и внешнеполитическим значением этого события. В это время империя подавляла восстание на западной национальной окраине, в Польше, причем борьба с партизанами принимала затяжной характер. Кроме того, правительству в сложную эпоху проведения реформ требовались зримые доказательства своей состоятельности.

Министр иностранных дел А. М. Горчаков писал князю А. И. Барятинскому 26 июля 1859 года: «Политический горизонт, дорогой князь, далеко не ясен... Если бы вы дали нам мир на Кавказе, Россия приобрела бы сразу одним этим обстоятельством в десять раз больше веса в совещаниях Европы, достигнув этого без жертв кровью и деньгами...»⁴

В советское время появились новые предпосылки для заключения Кавказской войны в нынешние традиционные рамки. Поскольку колониализм у отечественных историков 1930–1980-х годов являлся спутником капитализма, то отодвигание начала колониальной войны очень далеко от рубежа «буржуазной» эпохи, наступившей, по мнению тех же историков, в 1861 году, после отмены крепостного права, было очень неловким. «Национально-освободительное движение» являлось ответом на агрессию — а квалифицировать действия Ермолова именно так было удобнее всего. Забвение более ранних столкновений позволяло оставлять без внимания набеги, упоминание о которых непозволительно усложняло схему, не перегруженную реалиями (и потому довольно стройную).

Особенностью исследовательской оптики Кавказской войны является крайняя односторонность освещения этого эпохального явления из-за того, подавляющая масса источников — российского происхождения. Масштаб и характер внутреннего конфликта в горском социуме XVIII–XIX веков оцениваются почти исключительно на внешних свидетельствах. Это обстоятельство повышает внимание к событийной истории, при написании которой невозможно обойтись без сюжета (пролог, завязка, кульминация, развязка, эпилог), а сюжет по определению ограничен во времени.

К уходу от поиска действительных корней войны историков XIX — начала XX века подталкивало и характерное для того времени стремление придавать любой абстракции (победа, поражение) узнаваемое человеческое лицо. Назначением козла отпущения подменялся анализ причин неудач русского оружия, который подводил к признанию существования особой горской культуры, что было неприемлемо для ученых этого направления. Даже наиболее аналитичная книга известного публициста Р. А. Фадеева не отражала всей системности кризиса военной европейской культуры в противостоянии с горцами.

В XIX — начале XX века в ходу было выражение «Кавказские войны». Так называли весь процесс присоединения к России территории к югу от Кубани и Терека. Это было вполне логично, так как операции против

*Штурм аула Салты 14 сентября 1847 года художник Ф. А. Рубо, 1886 год.
Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи
Россия*

горцев проходили одновременно с боями русско-турецких и русско-персидских войн. Эту официальную точку зрения обозначает и список сюжетов, заказанных Военным министерством в конце XIX столетия известному художнику-баталисту Ф. А. Рубо для «Храма славы» — Тифлисского военно-исторического музея. Семнадцать полотен должны были изображать важнейшие события: «Вступление императора Петра Великого в Тарки 13 июня 1722 года»; «Вступление русских войск в Тифлис 26 ноября 1799 года»; «Штурм Ленкорани генералом Котляревским 31 декабря 1812 года»; «Сражение под Елисаветполем 13 сентября 1826 года»; «Сдача крепости Эривани 1 октября 1827 года»; «Штурм аула Гимры 17 октября 1832 года»; «Взятие Ахульго 22 августа 1839 года»; «Штурм церкесами Михайловского укрепления 22 марта 1840 года»; «Взятие аула Дарго 6 июля 1845 года»; «Штурм крепости Салты 14 сентября 1847 года»; «Смерть Слепцова 10 декабря 1851 года», «Сражение при Курюк-Дара 24 июля 1854 года»; «Переход князя Аргутинского через снежные горы Кавказа»; «Взятие Гуниба и плен Шамиля 25 августа 1859 года»; «Штурм Карса в ночь на 6 ноября 1877 года». Такая временная протяженность соответствовала представлениям о масштабности исторической миссии России, но ставила под вопрос способность русского оружия обеспечивать быстрое решение государственных задач. Поэтому особо выделялась «Кавказско-горская война», окончание которой связывалось с манифестами апреля — мая 1864 года, извещавшими об окончательном покорении Западного Кавказа. Для Чечни и Дагестана столь же очевидным был 1859 год — капитуляция Шамиля. Эти даты ревизии не подвергались, поскольку включение в нее восстания лезгин (1863), выступления зикристов в Чечне (1864), волнений в Абхазии (1866), массового восстания в Терской области (1877–1878) низводило «великую» и «окончательную» победу над горцами до уровня достижения паузы между масштабными столкновениями. С учетом того, что само покорение Большого Кавказа составляло череду «возмущений» и «замирений», это было совершенно неприемлемо для официальной историографии. Здесь примечательно то, что авторы дореволюционных работ, охотно связывавшие русско-турецкие войны с действиями горцев, уклонились от включения кровавых событий 1877–1878 годов в Чечне и Дагестане в контекст тогдашнего противостояния двух империй.

В отечественной историографии приверженность широкой трактовке понятия «Кавказские войны» сохранялась до 1960-х годов. В Советской исторической энциклопедии Кавказскими войнами названы боевые действия XVIII–XIX веков, «...связанные с завоеванием Кавказа русским царизмом», а также «...подавление царизмом ряда антифеодальных движений кавказских народов, вооруженное вмешательство России в феодальные междоусобицы на Кавказе, войны России с претендовавшими на Кавказ

Ираном и Турцией». При этом была особо выделена «собственно Кавказская война» 1817–1864 годов. В 1973 году Большая советская энциклопедия ограничила Кавказскую войну (а не войны, как это называлось ранее) 1817–1864 годами, а географически — Чечней, Горным Дагестаном и Северо-Западным Кавказом. Это усилило позиции тех, кто делал акцент на ее национально-освободительном характере, поскольку вторжения русских войск на территорию Чечни и Дагестана и устройство там опорных пунктов имперской власти, безусловно, затмевают набеговую составляющую конфликта, которая была самой главной в XVIII — начале XIX столетия. Это обстоятельство явно играет не последнюю роль в том, что большинство современных историков из северокавказских республик настойчиво придерживаются традиционных хронологических рамок: в 1817–1864 годы агрессором безусловно выглядит российская сторона, тогда как в «доермоловский» период это не столь очевидно.

В советской историографии периодически ставился вопрос о корректности принятых хронологических рамок Кавказской войны, но заметных последствий возникавших дискуссий не наблюдалось. Изучение процесса включения в состав Российской империи пространства между Черным и Каспийским морем также не привело к преобладанию какого-то наиболее убедительного представления о его характере.

В советской историографии система доказательств и обращения к источникам находилась в полном подчинении теоретическим схемам. Поэтому в изучении Кавказской войны в 1930–1970-е годы происходило тасование «антиколониального» и «антифеодального» акцентов, сопровождавшееся поиском классовых противоречий. Кавказскую войну настойчиво пытались встроить в марксистко-ленинскую картину общемирового процесса смены формаций и освободительной борьбы народов. Повышенное внимание к социальным и экономическим вопросам, характерное для советской историографии, автоматически отодвинуло на задний план изучение военной культуры. Тезисов о бездарности царских генералов и героизме горцев оказывалось достаточно для объяснения причин небывалой продолжительности войны. Разделение противников по социальному признаку позволяло уйти от их национальной маркировки. Все, что могло бросить тень на горцев как братьев по классовой борьбе (набеги, кровавые междоусобицы, участие туземной знати в восстаниях), старательно затушевывалось.

Устойчивая тенденция включения движения горцев в мировой освободительный процесс способствовала сужению хронологических рамок войны, поскольку только Шамиль идеально «совпадал» с европейскими потрясениями 1830–1840-х годов и пресловутой революционной обстановкой в России накануне отмены крепостного права. Восторжествовав-

ший в 1950-е годы тезис о мирном вхождении народов в состав многонационального государства требовал изоляции долгого и кровавого покорения Черкесии, Чечни и Дагестана от сравнительно мирного присоединения прочих территорий Северного Кавказа и Закавказья. Состояние советской историографии Кавказской войны демонстрирует судьба книги Н. И. Покровского «Кавказские войны и имамат Шамиля», завершённой в 1940 году и опубликованной только 60 лет спустя. Автор отказался от многих идеологических и методических штампов и сумел создать труд, выглядевший новаторским даже в начале XXI века. Таким образом, нынешние временные рамки Кавказской войны — продукт развития отечественной историографии в рамках формационного учения, «антифеодално-антиколониальной» парадигмы, результат стремления втиснуть исторические реалии в концепцию добровольного вхождения народов в состав России.

Регулярные столкновения русских войск с горцами начались при Петре Великом. Во время Персидского похода 1722–1723 годов произошло несколько сражений с дагестанскими ополчениями. Ситуация повторилась в 1796 году, когда русская армия двинулась в Персию — для наказания за разорение Грузии. С начала 1730-х годов регулярно происходили стычки на линии русских укреплений по Тереку и Кубани. Ответом на набеги горцев стали карательные экспедиции. Первый серьёзный бой с чеченцами произошёл вовсе не при Ермолове, а в 1732 году. Затем, в 1750–1780-е годы, набеги чеченцев пытались прекратить, используя «наказания» в форме разорения аулов. В 1775 году в отместку за смерть известного учёного С. Г. Гмелина, умершего в плену у кайтагцев, их земля была опустошена по распоряжению Екатерины II. В 1783 году А. В. Суворов разгромил ногайские кочевья на Кубани. В 1785 году шейх Мансур объявил русским священную войну, в ходе которой погибли тысячи людей. В 1789 и 1791 годах корпуса генерала Ю. Б. Бибикова и генерала И. В. Гудовича, наступавшие на Анапу, подвергались постоянным нападениям черкесов. В 1774, 1778–1779, 1785, 1794–1795, 1804 и 1810 годах с разной степенью жестокости были подавлены выступления кабардинцев. Немало было пролито в XVIII — начале XIX века и осетинской крови, поскольку Россия была заинтересована в установлении контроля над трассой будущей Военно-грузинской дороги. В 1800 году соединённый русско-грузинский отряд на реке Иори разгромил ополчение дагестанского правителя Омар-хана, намеревавшегося вторгнуться в Кахетию. В 1806 году состоялся поход в Дагестан, был штурмом взят Дербент. В 1807 году крупные отряды русской армии в очередной раз «умиротворяли» Чечню. В 1811 году у города Куба многотысячное ополчение аварцев, лакцев и табасаранцев потерпело поражение. Таким образом, до 1817 года было пролито так много крови с обеих сторон, что признание этой даты каким-то «началом» Кавказской войны не выдерживает никакой критики.

1817 год можно выделить как начало одного из этапов присоединения Кавказа. До того времени действия русских войск были в основном «рефлекторными», вызванными набегами горцев. Теперь командование перешло к планомерным операциям (карательные и превентивные экспедиции, устройство крепостей в стратегически важных точках, экономическая блокада, прокладка просек и дорог, выселение горцев на равнину, основание казачьих станиц для закрепления российского «присутствия»). Но «плановый» характер операций русской армии не следует преувеличивать: по-прежнему огромную роль играла необходимость давать ответ на действия противника.

Эта война не обычное столкновение двух государств (или коалиций) с довольно четкими хронологическими границами, определенными политическими или экономическими предпосылками и соблюдением обеими сторонами общепринятых (в европейском смысле этого слова) правил ведения боевых действий, а один из первых крупных цивилизационных конфликтов. Для ее изучения можно попытаться рассматривать этот конфликт как бы изнутри, путем анализа процессов, происходивших в недрах одного из его участников — русской армии. Дело в том, что с горцами воевало не Российское государство как таковое, а особые вооруженные организации, сложившиеся в ходе этого затяжного конфликта: Кубанское и Терское казачьи войска, Отдельный Кавказский корпус. Для этих структур, полностью подчинявшихся Военному ведомству, война с горцами была не просто выполнением «профильных» задач — она стала частью их быта.

В основе этой книги лежит текст монографии «Армия России в Кавказской войне XVIII — XIX веков», выпущенной издательством «Европейский дом» в 2007 году, а также нескольких статей, опубликованных позднее в периодических изданиях и сборниках.

Широкое использование мемуаров в данной работе объясняется тем, что при решении поставленных задач они не только не уступают архивным документам, но и по многим параметрам их превосходят. Причины этого кроются не только и не столько в сознательном искажении картины, сколько в малой способности документа отразить суть и характерные особенности реальных событий. Здесь уместно привести слова видного военного теоретика и историка, профессора Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенанта А. А. Свечина: «Во все времена встречалось лишь небольшое число людей, способных точно наблюдать боевые явления; между показаниями очевидцев постоянно наблюдаются крупные противоречия; а тот ворох документов, который оставляет война, отражает по преимуществу намерения начальников...»⁵ И. А. Шестаков, будущий морской министр и автор воспоминаний, был участником экспедиции ге-

нерала И. Р. Анрепа*, который задумал совершить рейд по горам в районе нынешнего города Сочи, но, узнав о подготовке горцев к обороне ущелий, повел войска по берегу моря. За два дня войска, прикрываемые с моря флотом, прошли 14 верст, потеряв при этом только убитыми около 500 человек. В рапорте же Анрепа указывалось, что экспедиционный корпус преодолел «28-верстное укрепленное дефиле». Мемуарист отмечал, что генерал «...перестроил фикцию в факт и придумал номенклатуру, соответствующую отложенному первоначальному намерению, а не действительности»⁶.

Донесения и другие официальные документы — сочинения особого жанра, имеющего свои законы, приемы отражения и искажения действительности, свой язык и внутреннюю структуру. В обороты речи, принятые для обозначения того или иного явления, втискивали разные реалии, и лишь незначительные нюансы, видимые только тренированному глазу, нередко понятные только современнику или человеку, знакомому с контекстом, несли основную информацию о произошедшем событии.

В отличие от «европейских» войн, где эпизоды сражения наблюдались и оценивались с разных позиций и разными людьми, в Кавказской войне очень часто никто не мог выдвинуть альтернативный вариант описания событий, поскольку текст командира экспедиционного отряда оказывался единственным. Именно это обстоятельство отметил в своих записках тот же Шестаков: «Никто не ожидает точности в официальных реляциях. Степень искажений истины, по самолюбию или чувству самосохранения, зависит от правил пишущего. Есть, однако, пределы, налагаемые тем же чувством заботливости о себе, напоминающим о возможности несогласия соучастников с взглядами оправдывающегося деятеля»⁷. Известен случай, когда автор победного донесения был уличен в том, что боя, за который он получил награду, вообще не было. Мемуаристы без обиняков писали о таком сомнительном «творчестве» на Кавказе: «...Коменданты укреплений начали придумывать вылазки, даже выдумывать их, и грязной ложью приобретали то, что прежде добывалось чистой кровью»⁸. Реальная картина событий заметно искажалась обычаем указывать потери противника в 20–40 раз выше собственных. Важным является и то обстоятельство, что сам военный лексикон XVIII–XIX веков, являвшийся частью европеизированной военной культуры, далеко не всегда годился для вербализации местных реалий.

Особенностью корпуса источников о Кавказской войне является то, что подавляющая масса их освещает события с российской стороны. Объясняется это тем, что народы, оказывавшие сопротивление

* Имеется в виду Иосиф Романович Анреп–Эльмпт. Приставку к фамилии получил позднее, в 1853-м году — *Прим. авт.*